

Ли В.

# **Я меняю мир**

Книга 2. Становление

В. Ли

**Я меняю мир. Книга  
2. Становление**

«Издательские решения»

**Ли В.**

Я меняю мир. Книга 2. Становление / В. Ли —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852365-6

Продолжение истории попаданца в параллельный мир. Герой  
на избранном судьбой пути. Ученик, подвижник. Развивает данные  
святым духом способности.

ISBN 978-5-44-852365-6

© Ли В.

© Издательские решения

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 6  |
| Глава 1                           | 8  |
| Глава 2                           | 16 |
| Глава 3                           | 23 |
| Глава 4                           | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 34 |

# **Я меняю мир**

## **Книга 2. Становление**

**В. Ли**

© В. Ли, 2017

ISBN 978-5-4485-2365-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Пролог

Я вижу сон. Медленно лечу, почти парю, высоко над землей, под самыми небесами. Там, далеко внизу, вижу лес – густые дубравы, перемеживающиеся с березняком и смолистым ельником. Он уплывает назад, постепенно редет, все больше уступая пространство степи. Еще остаются небольшие околки, а потом и они исчезают. Бескрайний ковыль застилает весь горизонт, местами смешивается с островками полыни и огромными полями разноцветных тюльпанов. Подо мной прекрасный мир, радующий сердце гармонией и жизнетворной силой.

Степь прорезает лента дороги, трава на ней примята конскими копытами. Неширокая, наверное, могут разместиться всадники в три ряда или повозка. Конца-края не видать, тянется почти прямой стрелой на юг. Вдали замечаю приближающееся конное войско, лечу навстречу ему. Подо мной огромная рать, от головы до хвоста колонны не один десяток километров. Опускаюсь ближе, различаю смуглые лица под малахаями, поджарые фигуры в кожаных доспехах, с луками и колчанами стрел за спиной. Тревога охватывает меня, парю над войском, вместе с ним возвращаюсь в родные края.

Картина меняется. Вижу сверху, как полчища кочевников расползаются клиньями по русской земле, горят встретившиеся на их пути поселения, осажденные города. Везде кровь, лежат без погребения убитые, умирают раненые. По проселочным путям и тракту идут связанные полоняне, подстегиваемые плетью завоевателей. Я не могу им ничем помочь, только сердце наполняется ненавистью и горечью. А татары идут все дальше, новые и новые города падают под их неудержимым валом. Кажется, нет силы, могущей остановить нашествие, но надежда не оставляла страждущих, просили божьей милости, защитить детей своих от гибели.

В ските среброволосый монах всем исстрадавшимся сердцем молит о спасении земли русской и отец небесный отзывается, дает страстотерпцу знак знаменем и частичку духа своего. С божьей благодатью преподобный Сергей поднял словом горящим разрозненный славянский народ на общего врага, благословил великого князя Дмитрия Донского и его войско на победу в великой сече на поле Куликовом. И чудо свершилось, русская рать остановила и обратила вспять врага страшного, дала веру униженным на возмещение. Будут еще многие тяготы и лишения, новые полчища придут на смену ушедшим, но с того знаменения началось возрождение Руси, ее долгий путь к свободе и величию. Благодарные русичи сохранили в веках память о подвиге святого Сергия Радонежского, принесшего спасение в трудный час.

Вижу иступленное лицо молящегося преподобного, а потом неземной свет, охвативший его склоненную фигуру, слышу гром раскалывающейся горы. Святой выпрямляется, встает с пола во весь рост, ореол окружает его с головы до пят. Он замирает, как будто-то прислушивается к себе, а потом, поверив в нисшедшую на него божью милость, возносит благодарственную молитву. Перед моими глазами проходят его последующие деяния во исполнение принятого обета. Денно и ночью, в жару и мороз, под дождем и снегом святой следует по землям русским, уговорами и увещаниями склоняет князей на воссоединение и общую войну с врагом, призывает вольный народ оборонять свою землю и свободу. А потом, перед решающей сечей, осеняет войско русское божьим благословением.

Мой взор возвращается к месту нисшествия благодати, божья искра сохранилась и в нем. Там, где стоял скит, возвели храм, ставший местом паломничества верующих, желающих причаститься к благовению, а вода из чудотворного источника на вершине скалы несла исцеление страждущим. Вижу в той скале, как и на месте скита, свечение тем же ореолом, что и объявшим святого Сергия. Он замечен тем видением, что доступен мне теперь.

Даже во сне чую тепло, идущее от него, он притягивает, манит меня своей тайной. Вижу всполохи, пульсацию исходящего от ореола света, как биение сердца, он живой, понимание этого приходит в неспящее подсознание. Я могу прикоснуться к нему, принять от него что-то подобное эмоциям, передать свои. Почему, как – разумом не понять, все на интуитивном уровне, но в его реальность верю без сомнения. Мне надо увидеть источник этого свечения, почувствовать наяву его тепло – такая мысль прошла настолько четко, что встряхнула дремлющее сознание, я проснулся.

## Глава 1

Ночь, дома тихо, все спят, намаявшись от хлопотливого вечера. Вспоминаю виденный сон, он представляется ясно, во всех подробностях. А после приходит мысль, что навеян той частицей души святого, вселившейся в меня под ледяным потоком из источника. Она редко дает о себе знать, только в особые, можно сказать, судьбоносные, минуты моей жизни. Конечно, решения принимаю я сам, но отзвуки духа святого Сергия чувствую, они придают мне большей уверенности в сделанном выборе. И сейчас иду навстречу его тихой подсказке, принимаю нужность поездки в святое место. Возможно, она откроет новые тайны и возможности моего дара, да и самому любопытно, что же такого необычного в тех источниках божественного света.

Наутро, предупредив подруг, отбившись от их просьбы взять с собой – все же еду не на прогулку, – отправился в не столь дальний путь. Еду короткой дорогой, севернее Солнечногорска, здесь транспорта гораздо меньше, чем к озеру. Правда, и состояние хуже, но если не гнать с большой скоростью, то вполне терпимо. Последний отрезок к храму уже ехал по грунтовке, асфальт к нему еще не довели. Оставил машину перед храмовым комплексом, поднялся по лестнице к вершине скалы с источником. Мне повезло, никого рядом из любопытствующих не оказалось. Сошел с лестницы и подобрался к самому источнику на круче.

Положил ладони на теплый камень и закрыл глаза, чтобы ничто не отвлекало. Вижу аурное поле, идущее из глубины скалы, именно такое, как во сне. В его золотистом ореоле замечаю всполохи, когда же я прикоснулся к нему своим полем, то ореол дрогнул, потянулся ко мне. Не стал отшатываться от скалы и нарушать возникший контакт, напротив, открыл свою душу навстречу святому свечению. Всем существом, внутри и снаружи от ладоней, почувствовал идущий от источника жар. Но он не опалял болезненным ожогом, а вливался в меня горячим потоком. Я чувствовал прилив сил, казалось, во мне растет что-то неведомое и могущественное, оно выходит за мою оболочку и распространяется вовне волной, все дальше и дальше.

Мне привиделось, что именно так чувствовал себя святой Сергий, когда на него снизошла божья благодать. Не стал проверять происходящее со мной, ждал, что же произойдет дальше. Через какое-то время ощущение контакта пропало, ореол вновь вернулся к источнику. В последний момент воспринял идущий от него отзвук радости и удовлетворения, как после исполненного долга. Только после принялся осматривать свою ауру и окружающее энергетическое поле. Они поменялись, аура поменяла свой цвет, голубой оттенок сменился насыщенным золотом, таким же, как у святого. А поле вокруг сияло ярким светом, в первое мгновение ослепившим меня.

Если я считал прошлогоднее увеличение сверхъестественным, на порядок больше прежнего, то сейчас поле казалось немыслимым, у человека такого просто не может быть! Возросло в сотни, тысячи раз, даже страшно представить, что же теперь мне подвластно. И здравый смысл тут же остерегает, распоряжаться им надо чрезвычайно осторожно, любая оплошность может привести к совершенно непредсказуемым последствиям. Постигать его тайны придется маленькими шажками, с минимальным риском. Не так как ранее, путем проб и ошибок, каким я начал изучению своего дара.

Хотя полученного от источника на скале более, чем достаточно, все же решил обратиться ко второму, на месте скита. Иначе посчитаю наказ от частицы Сергия не полностью исполненным, а самого замучит неудовлетворенное любопытство, что же меня еще ожидало. Прошел через ворота храмового комплекса, в центре его входом к югу разместилась небольшая деревянная церковь с двумя позолоченными куполами. У служки перед входом в взял

свечу, прошел внутрь. Службы в это время не было, только недавно закончилась обедня. Кроме меня, еще несколько верующих находились в молитвенном зале.

Огляделся вокруг, в церкви я второй раз, первый случился в прежней жизни. Выглядит довольно красочно – все стены увешаны иконами, сводчатый потолок украшен библейскими картинами, свет поступает через высокие окна с цветными витражами. Осмотрел аурным взором в поисках источника, заметил отсвет ореола за задней стеной, рядом с иконостасом алтаря. Подошел поближе, поставил свечу перед одной из икон и закрыл глаза, делая вид, как будто молюсь. Потянулся своим выросшим полем к источнику, его ореол также отреагировал и приник к моей ауре. От него шел поток энергии, только не горячий, а теплый, приятно согревающий.

Наполнение произошло намного скорее, вскоре ореол вернулся к своему источнику, ясно чую от него участливость, доброту. Пришедшее ощущение отличалось от первого, не вселенская сила, а благодущие охватило меня, безграничная любовь к окружающему миру – людям, природе, живой и неживой. Увидел в своей ауре новые оттенки, на основном золотистом поле переливалась радуга цветов, складывающаяся картина гармонично перетекала от одной палитры к другой. Я такое наблюдал впервые, что оно принесет мне, пока неизвестно, но чувствовал, худа от него ни мне, ни другим не будет.

Наверное, происшедшее со мной не осталось незамеченным другими, ко мне подошел пожилой священнослужитель. Поприветствовал его смиренно, как подобает:

– Отче... Благословите меня грешного и недостойного раба Божьего Сергея на жизнь праведную!

– Благословляю, сын мой, – ответил священник, после назвал себя: – Протоиерей Николай, настоятель храма сего.

– Что привело тебя, сын мой, в храм божий? – спросил настоятель, пристально всматриваясь в мои глаза.

Неожиданно для себя читаю его, нет, не мысли, а эмоции – обеспокоенность незаурядным явлением, происшедшим в церкви с неизвестным прихожанином, жажду познания моих намерений. Но враждебности и подозрительности нет, общий фон благожелательный. Отвечаю так же смиренно:

– Отче, я приехал в святое место с надеждой получить божью благодать, очиститься от грехов и недобрых помыслов. И я почувствовал, что Господь отозвался на мою просьбу, во мне сейчас любовь и мир, а на душе великое облегчение. Я вознес молитву благодарственную Господу нашему за его милость ко мне, рабу своему недостойному!

В моих словах лукавства нет, именно так я воспринимал переданную мне от источника энергию, желание познать и помочь другим. Единственно, что не совсем точно, молитвы я не знаю, разве что первые строки из «Отче наш». Но эмоциональная связь с божьим источником вполне заменила слова, так что и здесь я не кривил душой. Отец Николай благодушно воспринял мой ответ.

– Господь внимлет словам и помыслам искренним, сын мой, и не оставляет их без своего благословения. Пусть хранит тебя Господь на пути твоём праведном. Иди с миром, сын мой, твори добро и милость людям.

– Благодарю Вас, отче, за благословение, – такими словами я простился с настоятелем, поклонился и направился к выходу из церкви.

Во дворе храма осмысливаю только что произошедшее в беседе со священником. Нежданно пробудилась новая способность – чувствовать эмоции окружающих. Для вящей убедительности прислушался к стоящим в ожидании причастия верующим. Сумбур наложившихся друг на друга чувств ошеломил меня, невольно заставил закрыться от них. Уже осторожнее, направленным лучом, обращаю внимание на отдельно стоящую женщину в белом платке, слышу ее горечь от смерти кого-то из близких. Помочь ей я сейчас неспособ-

бен, а утешить лучше тем, кто выбрал себе такую стезю – божьим служителям. С такими мыслями и новыми ощущениями отправился в обратный путь.

Домой вернулся после обеда. Таня и Наташа быстро накрыли стол, покормили меня, сидели рядом, пока я кушал. Видел их нетерпение, здесь и новой способности не понадобилось, чтобы заметить его, им интересно, чем же закончилась моя поездка к святому месту. Едва я поел, они тут же, за обеденным столом, принялись расспрашивать, уточняя каждую деталь. Неспешно, давая им возможность прочувствовать, рассказал о случившемся у целебного источника, а затем в храме. Упомянул об открывшейся новой способности и его проявлении в церкви. В их широко раскрытых глазах читал удивление и восхищение, они воспринимали происшедшее со мной как чудо, божье таинство. И без того привычное им обожание перешло в веру моей особой, богом данной избранности, особенно у Наташи.

В этот день я не пытался как-то разобраться с новыми возможностями дара, полностью отдался семейной неге. Играл и разговаривал с детьми, читал переполнявшие их эмоции, сам радовался доставленным им утехам. Даже у грудничков, Сережи-младшего и Лены, явственно видел испытываемые ими чувства – беспокойство или удовольствие, желание есть, грызть или двигаться. Я подсказывал их матерям о позывах младенцев, они незамедлительно принимались за нужное, не дожидаясь плача чад. К вечеру вернулась с работы Алена, ей вновь рассказал о произошедшем со мной под комментариями уже знающих подруг. От Алены тоже хватило восторгов, особенно, когда молодые мамы рассказали о полезном применении новой способности с их малышками. Тут же высказалась, что с будущим ребенком ей будет проще справиться, когда рядом всезнающий папа.

На следующий день поехал в университет оформлять перевод на заочное отделение. В деканате разрешили перевод не на четвертый, а сразу на пятый курс, назвали предметы, по которым мне экстерном надо сдать зачеты и экзамены, их не было в пройденной мною программе третьего курса. Так что, я не потеряю лишний год, как было бы с переводом на четвертый курс – на заочном шестилетнее обучение. Удивительно, что Разумовский подписал мне заявление о таком переводе, хотя никакого влияния я на него не оказывал, наверное, по «доброй памяти». Не откладывая в долгий ящик, зашел на кафедры по названным предметам, согласовал сроки сдачи, выписал рекомендуемую литературу. С легким сердцем вышел из университета, пока все идет отлично, как по моему желанию. Или оно повлияло? С новыми возможностями моего дара всего можно ожидать!

На работе тоже сложилось нормально, со свободным графиком я могу приходить когда угодно. Вместе с Колычевым определился заданиями на неделю и месяц, мы еще обсудили перспективные проекты на следующий год, сейчас идет предварительное формирование тематики. За минувший год у меня с руководителем группы сложились хорошие рабочие отношения, продуктивные и с полным пониманием друг друга. Все его задания я выполнял в срок или раньше, по трем темам мы совместно написали статьи, их опубликовали в математическом сборнике института и в трудах математического общества.

Еще одну, по теме «Асимптотика решений системы сингулярных эллиптических уравнений», отправили месяц назад в журнал математической физики Американского института физики. Он самый популярный в мире среди специалистов нашего профиля. Будет честью для нас, если статью примут на публикацию. Пока ответа от редакции не получили, такая реакция для нас даже обнадеживающая, с отказом она обычно не задерживается. Мне помогала переводить статью Наташа, но большей частью справился сам. С английским у меня становится все лучше, читаю почти свободно, с письменным немного хуже.

Первого сентября начались занятия в мединституте. Накануне нас, всех первокурсников факультета, собрали в лекционном зале. Интересно было наблюдать за новичками. Похоже, только я сохранял относительное спокойствие, остальные все еще переживали счастье успешно пройденного испытания, судя по их радостно возбужденным лицам. А первая

встреча с такими же счастливыми, будущими сотоварищами на долгие студенческие годы, тоже не оставляла их в покое. Как и первое знакомство со своими преподавателями, учебными аудиториями, всем непривычным им учебным процессом. Привлек внимание рядом сидящих сокурсников, они исподтишка озирались на меня. Наверное, я своим невозмутимым видом казался им бывалым, всезнающим ветераном, как старослужащий перед зелеными новичками.

Выступил декан, поздравил собравшихся с вступлением в новую жизнь, взрослую и ответственную. Папа-мамы уже не будут следить за чадами, как в школе, теперь они сами должны отвечать за себя. Усердно учиться, не запускать, иначе будет очень трудно, заданий на первом курсе будет много. Примерно в таком духе он долго читал нотацию первашам, а потом перешел к организационным делам. Названные им кураторы разбили студентов по группам, после развели подопечных по своим аудиториям. В моей группе куратором доцент кафедры внутренних болезней Севастьянов Илья Юрьевич, представительный мужчина лет пятидесяти. Неторопливый и немногословный, он всем своим строгим видом внушал нам почтительное уважение.

Куратор еще раз зачитал список группы, каждый, кого он называл, вставал, так прошло первое знакомство. Всего нас 24 человека, парней меньше – девятнадцать, я самый старший, остальные поступили сразу после школы. Среди женской части есть постарше меня, трое уже поработали медсестрами после училища. Одну из них, Елисееву Дарью, куратор назначил старостой, объяснил ей, что она должна следить за порядком в группе, отмечать прогульщиков, получать стипендию за всех. Нам же велел выполнять указания старосты, все вопросы в группе решать через нее.

Мне с первого взгляда Дарья не понравилась, что-то в ней было неправильное, напускное. С такими двурушниками не раз приходилось встречаться, самый пакостный народ. Стараются выслужиться перед начальством, в глазах своих коллег выглядят своими в доску, а сами за спиной разносят сплетни, наущничают, от них можно ожидать любой козни. Также интуитивно, не вчитываясь в их эмоции, отметил для себя двоих юношей и пятерых девушек, внушающих симпатию и доверие. С остальными неопределенность, дальше будет видно, что ожидать от них.

Замечаю интерес к себе, ко мне также приглядываются. Кто-то, не скрывая своего внимания, как несколько девушек, а кто-то тайком, мимолетными взглядами. Нравнодушие девушек мне понятно, мой магнетизм манит помимо их воли. Но и среди ребят чувствую что-то вроде притяжения ко мне, как слабые тянутся к сильному, неосознанно надеясь на защиту и покровительство. Те двое, которых я посчитал возможными друзьями, тоже из них.

Но есть и другие, чьи чувства добрыми никак не назовешь. Зависть, соперничество, желание отеснить и занять общее внимание – такая смесь эмоций идет от двух ребят явно не из простых семей. Ухоженные высокомерные лица, свободная манера держать себя, дорогая одежда от известных кутюрье. По-видимому, дома и в ближайшем окружении избалованы общим поклонением, считают его должным и от других. Схватываться с ними за лидерство у меня нет никакого желания, постараюсь решить проблему мирным путем. Доброе слово, внушенное нужным образом, может многое, такая мысль приходит из самого сердца. Нельзя на зло отвечать тем же, тем самым оно только множится.

Стоп! Откуда такое благодушие, непротивление злу насилием?! Явно навеяно чем-то сторонним, никогда беззубой толстовщиной не страдал. На удар отвечал ударом, защищал себя и близких, несмотря ни на какие жертвы. Сразу приходит мысль – не обошлось без вмешательства святого источника, наделившего меня даром сопереживания и вселенской доброты. Это что, теперь мне надо с самим собой бороться, защищать добро кулаками или подставлять вторую щеку? Да, услужил мне божий дар, каждый значимый шаг придется сту-

пать с оглядкой на него. Хорошо еще, что он не подчинил мой разум и душу, только исподволь подталкивает.

Отставил в сторону проблемы со святым даром и мажориками, будущее покажет, вслушался в речь куратора. Он тоже повторил о загруженности учебным материалом на первом курсе и вообще, первые два года считаются самыми трудными для студентов. Потом перечислил предметы, которые будем проходить, их полтора десятка. В большинстве совершенно новые, не такие, как в университете, – нормальная анатомия, латинский язык, медицинская биология и общая генетика, биофизика, история медицины и фармации, гистология. Из более-менее известных – иностранный язык, биология с экологией, общая и органическая химия, история.

После собрания подошел к юноше, которому, как мне показалось, поддержка на первых порах более нужна. Ваня Савченко, как его называл куратор, высокий и худощавый, с тонким умным лицом. Не надо быть физиономистом или психологом, чтобы понять о его тонком душевном складе, хрупком и отзывчивом. Волнение, застенчивость, неуверенность, какие-то переживания – все эмоции отражались на живом лице, меняющемся каждый миг. Заметно по ранним морщинкам и складкам, что в жизни ему досталось не мало огорчений, но нет в нем обиды и злости, глаза светятся мечтательностью и ожиданием лучшего, как у ребенка.

#### Интерлюдия

Ваня рос у матери один. Отца у него не было. Конечно, не в буквальном смысле, он у всех должен быть. Но мальчик никогда не видел и не знал о нем, пока случайно не услышал соседок-сплетниц, обсуждающих у колодца мать. Они не заметили Ваню, затаившегося неподалеку за плетнем, он играл в прятки с ребятами. Тетя Лиза, сварливая и постоянно недовольная соседка, громко высказывалась товарке визгливым голосом:

– Представляешь, Соня, эта тихоня вздумала меня поучать! Я-де не слежу за детьми, они при живой матери без присмотра. Какое ей дело до моих, пусть смотрит за своим! Нагуляла невестимо от кого, поди от прохожего молодца, а все туда же, воспитывает. Пусть Клава учительница, но ко мне не лезет, так и сказала ей. Педагог нашлась!

Что ответила тетя Соня, Ваня не слышал, сказанные слова отозвались гулом в его ушах, обида за мать и слезы душили десятилетнего мальчика. Дома он не сказал ничего матери, только больше ласкался к ней. Жалость к самому родному человеку переполняла его сердце, как и горечь из-за чужого и далекого отца, бросившего их. Мать он не расспрашивал о неведомом родителе, боялся расстроить, а она не рассказывала, даже не упоминала о нем.

И до этого дня мальчик отличался от сверстников избыточной впечатлительностью. Какое-нибудь рядовое происшествие, проказы детей легко выводили его из душевного равновесия. Ваня мог заплакать вздохом или замыкался в себе, забивался в угол. Ребятишки же смеялись над ним, называли нюней или маменьким сыночком, и он все больше отдалялся от них, искал уединения. Здесь его спасали книги, мама приохотила Ваню к ним, как он только научился читать. Мальчик перечитал школьную библиотеку, даже книги для старшеклассников, многое, может быть, не понимая. Всем сердцем переживал за героев, радовался и горевал с ними, его фантазия рисовала как наяву картины происходящих событий.

К семнадцати годам вырос робким и застенчивым юношей, избегающим шумных компаний одноклассников. Друзей у него не было, как и любимой девушки. Ваня скрывал от других свои порывы и мечты, боясь насмешек не слишком деликатных ровесников. Единственно в какой-то мере раскрывался перед матерью, беззаветно любящей и переживающей за него. Она видела его неспособность постоять за себя, непрактичность в жизненных ситуациях, чрезмерную для почти взрослого сына романтичность и душевную отзывчивость, привитую героями книг. Вина себя, но продолжала опекать Ваню, всеми возможностями оберегала от напастей жестокого мира.

Отрадой для нее стали немалые успехи сына в учебе. Ваня заканчивал школу среди лучших, только по нескольким предметам не дотягивал до пятерок. С выбором будущей профессии сомнений не испытывал, еще с восьмого класса готовился стать врачом. Стремление помогать другим от недугов и страданий органично вплелось в нравственные идеалы юноши, в нем он видел свое будущее. Мама поддержала намерения сына, хлопотала с выбором учебного заведения, предприняла все усилия для успешного поступления своего непрактичного, витающего в облаках, сына. На время экзаменов приехала с ним в столицу, едва ли не за руку водила в институт. И, наверное, большее счастье после зачисления Вани испытывала мама, чем сын. Радость и гордость переполняли сердце многострадальной терпимицы, не слишком много от жизни ей доставалась подарков.

Конец интерлюдии

С приветливой улыбкой протягиваю руку для пожатия:

– Давай познакомимся ближе. Евсеев Сережа.

Юноша тоже улыбнулся, но как-то нерешительно, робко, а потом ответил, пожимая мою руку: – Ваня Савченко.

– Ваня, предлагаю пойти в какое-нибудь кафе поблизости, посидим, поговорим. Не против?

Тот засмутился, а потом произнес виноватым голосом:

– Сережа, я не против, только меня мама ждет, переживает.

Да, думаю, похоже Ваня из маменьких сыночков, не решается чем-то ее беспокоить.

Примерно такое предполагал, отвечаю самым доброжелательным тоном:

– Ничего страшного. Вместе поедem к ней, заодно она увидит, с кем будешь учиться ты.

Ваня только кивнул, мы отправились на выход. Как только вышли за ворота института, Ваня дернулся в сторону остановки, я остановил его: – Поедем на моей машине, она здесь рядом, на стоянке.

Моя Камри подивила впечатлительного юношу. Я поддерживал свою красавицу в приглядном состоянии, она отсвечивала на солнце свежим лаком, все еще как новенькая. Да и в салоне у меня в порядке, чисто и аккуратно. Ваня сел, восхищенно крутя головой, высказался: – Красивая машина!

В дороге мы разговорились, Ваня рассказал немного о себе. Он из небольшого городка на краю нашей области. Отца нет, мама учительница истории, работает в той же школе, какую закончил Ваня. В какой-то момент разоткровенничался и признался:

– Сережа, я сам хотел подойти к тебе, но постеснялся. Ты такой важный, серьезный. И одет очень хорошо, наверно, дорого. Мне об этом и не мечтать, у нас с мамой денег мало, лишние расходы не потянем.

Успокаиваю волнующегося юношу:

– Не беспокойся, для меня главное – что в человеке внутри. А одежда, деньги – дело наживное, все у тебя впереди.

Ваня с мамой снимали комнату в частном доме на окраине города, добирались к нему почти час. По пути я еще останавливался у цветочного магазина, взял букет роз, в соседней лавке набрал сладостей к чаю. Припарковал машину у ворот небольшого дома, за ними забрехала собака, слышно как она металась на цепи. Ваня тут же принялся объяснять: – Она на цепи, до нас не достанет.

В дом вошли через отдельный вход под несмолкающий лай пса, рвущегося к нам. Прошли небольшие сени, затем кухню, в жилой комнате застали женщину средних лет, она гладила мужскую рубашку на столе.

Ваня сразу представил меня:

– Мама, познакомься с Сережей Евсеевым, он в одной группе со мной. Мы сегодня встретились на собрании, Сережа уговорился приехать к нам, пообщаться поближе.

Мама Вани назвалась сама: – Клавдия Степановна, – а затем пригласила сесть на диван, пока приготовит чай.

Я передал захлопотавшей было женщине букет с поздравлением:

– С поступлением Вани и будьте здоровы!

Видно, что Клавдия Степановна не избалована вниманием, смущенно приняла цветы, только приговаривала: – Спасибо, Сережа, спасибо...

Сидели за столом, пили чай, мои сладости пришлось кстати, разговаривали. Больше мы с матерью, Ваня редко вступал, когда обращались к нему. Рассказал им о себе, что женат, есть дети, свой дом, работаю по вечерам. Мой рассказ впечатлил Клавдию Степановну, первая настороженность сменилась уважением, она так и сказала:

– Такой молодой, а уже в жизни столько добился. Молодец! Наверное, твои родители счастливы таким сыном. Моему Ване хоть немного твоей самостоятельности, мне больше и желать нечего.

А потом обратилась ко мне с просьбой:

– Сережа, пожалуйста, проследи за Ваней. Он ведь сам ничего не может, даже за себя постоять. Любой его обидит, а он только забьется в нору и будет переживать.

– Конечно, Клавдия Степановна, прослежу, не беспокойтесь, – отвечаю волнующейся матери, а потом обращаюсь к Ване: – Все же тебе надо самому взяться, суметь переломить в себе боязнь и слабость. Если нет такого желания, то дело не пойдет, вечно опекать тебя никто не будет. У меня есть некоторые способности, можно сказать, экстрасенса, я помогу преодолеть твои комплексы. Но еще раз повторю, надо, чтобы ты сам захотел.

Ваня как воды в рот набрал, склонил ниже голову, его вьевшаяся в натуру нерешительность не давала возможность честно сказать себе и нам, готов ли он к переменам. До тех пор, пока мать, едва не плача, не сказала ему:

– Ваня, ну что же ты молчишь! Тебе хотят помочь, а ты все боишься. Ради меня, сынок, переступи через себя, ты должен стать человеком! У меня сердце разболелось за тебя, ведь пропадешь такой!

Сын молчал еще минуту, а потом с трудом вымолвил: – Хорошо, мама. Сделаю все, что смогу.

Предложил провести первый сеанс лечебной процедуры сейчас же, по его результатам будет видно, что еще можно предпринять. Мать с готовностью согласилась, за ней сын, все еще сомневающийся в себе. Ваня лег на кровать, закрыл глаза, даже затаил дыхание, страхи по прежнему давили на него. В аурном поле проверил состояние юноши, особых проблем не обнаружил. Только в районе головного мозга небольшое затемнение, но ничего патологического нет. Уже легче, каких-то опасных операционных действий не понадобится. У Вани заметно расшатана эмоциональная система, в соответствующем центре мозга нарушены нейронные связи, идущие к мозжечку и гипофизу.

Очень аккуратно, по микрону, восстанавливаю структуру нейронных волокон, один за другим привожу к нормальному виду. После, когда, закончил с ними, немного усилил чувственный центр, направив туда гранн своей энергии, он добавит пациенту больше оптимистического настроя. В завершении провел общую подпитку ауры, лишний заряд бодрости юноше вовсе не помешает, на этом завершил процедуру. В принципе, дополнительных сеансов не требуется, теперь организм вполне способен самостоятельно справиться с жизненными стрессами. Разрешил Ване встать, а потом, когда он присел на кровати и посидел, прислушиваясь к себе, спросил о его самочувствии.

– Знаешь, Сережа, мне так легко, как будто махну рукой и полечу!

Да, мечтательность Вани никуда не делась, но она не помеха, если будет в меру. Поясню сыну и матери:

– У Вани все в порядке. Немного подлечил эмоциональную систему, добавил энергетики. Дальше все зависит от него. Поменять характер мне не силах, он сам должен воспитать в себе волю и решительность. На первых порах помогу справиться с какими-нибудь наездами и угрозами, но все же в первую очередь рассчитывай на себя. Ваня, понятно?

Тот кивнул головой, после я попрощался с ним и благодарной Клавдией Степановной, отправился на работу. На душе у меня царила всеобъемлющая радость, я был счастлив от того, что помог хорошим людям справиться с их бедой. Чувствовал, как там, в самой моей глубине, торжествует искорка святого, миссия спасителя душ идет в полном нашем единении, меня и святого Сергия.

## Глава 2

С первых дней принял за правило тщательно готовиться к каждому занятию, пусть даже мне многое известно. Я самостоятельно изучал материалы по этим предметам ранее, когда приступил к своим экспериментам с даром, но теперь посчитал нужным повторить их уже с преподавателями на лекциях и семинарах. Что-то я мог упустить или не обратить внимание на какие-то нюансы, которые могут оказаться важными. Большинство однокурсников также ретиво взялись грызть мудреные науки. С этим в мединституте оказалось намного лучше, чем в университете, где, как поется в песне, «от сессии до сессии живут студенты весело». Да и нагрузка в меде на первом курсе гораздо большая, так что особо не расслабишься.

Особо впечатлили нас занятия по анатомии, сначала по атласу и макетам, а потом вживую (или вмертвую?) на реальном материале – трупах в анатомическом театре, или как его обычно называют, анатомичке. Едва ли не на первой неделе нас повели туда. Наверное, решили сразу отбраковать студентов, не переносящих подобных зрелищ. В нашей группе таких не оказалось, а в параллельной отсеялись сразу двое. Их рвало, одна девушка вообще упала в обморок. После двух-трех походов в анатомичку они забрали документы и ушли, не смогли перебороть свою слабость. Как ни удивительно, но мой подопечный – Ваня, – перенес испытание довольно легко, гораздо лучше, чем большинство студентов, только побледнел на первом занятии.

Сам я немного струхнул, с трупами ранее не имел дело, если не считать Лиду, да и смотреть, как преподаватель разрезает тело, было жутковато. А с запахом – говорить нечего, здесь все пропиталось им. После, когда мы вышли на свежий воздух, казалось, что он въелся в нас, даже дома чудилось, что от меня все еще несет им. Но ко всему привыкаешь, постепенно занятия в анатомичке стали для нас обычными, пусть и неприятными. По другим предметам подобных трудностей не возникло, но хватило других, особенно с латынью. Я настолько намучился, пока наизусть выучил ее, что даже во сне разговаривал на этой тарабарщине. Едва не напугал своих подруг. Алена так и высказалась:

– Знаешь, Сережа, ты ночью нагнал на меня страху! Проснулась от твоего голоса, прислушалась – что-то непонятное, а ты говоришь и говоришь. Целую речь выдал, причем отчетливо, каждое слово было различимо. Я даже подумала, что ты проснулся и попыталась расспросить, что же толмачишь. Включила ночник, смотрю – а ты спишь! Так и зайкой меня оставишь...

С однокурсниками у меня сложились в целом неплохие отношения. С кем-то более тесные, как с Веней Сахаровым, вторым из замеченных мною на собрании возможных друзей, с другими терпимые. Даже с мажориками разрешилось мирно, без стычек и противостояния, после встречи на светском рауте, проведенным известным олигархом-меценатом. Я сопровождал юную поп-диву, восходящую звезду эстрады. Ее здесь называли по настоящей фамилии – Порывай, а не как в моей прошлой жизни – Наташа Королева. Она недавно исполнила мою новую песню, Маленькую страну, ставшую сразу популярной и выведшую Наташу к вершине мимолетной славы. Передать ей для исполнения песню мне посоветовала Алла Пугачева. Примадонна благоволила мне и оказывала иногда небольшие услуги, как с Наташей.

Юную певицу пригласили на раут. Она попросила меня пойти с нею, у нее из знакомых не оказалось кого-то другого, более-менее известного столичному бомонду. Я согласился, Наташа мне понравилась очень серьезной и вдумчивой работой. Она вносила свое в исполнение песни – тональности, переходах в ритме, звуковом подборе. И действительно, получилось красивее и проникновеннее, чем в предложенном мной по памяти варианте. Так что

заслуга в популярности песни в немалой доле Наташи, я прямо признался в этом девушке. Между нами сложилась дружба, взаимное уважение, хотя юная, чуть старше меня, артистка почти открыто выражала готовность к более тесной связи. Я же не стал потворствовать сближению, излишнее женское внимание меня стало напрягать. Оно уже не возбуждало во мне ответное желание, как еще совсем недавно, а вызывало едва ли не отвращение. Сам поразился такой перемене, сразу пришла мысль о влиянии духа святого Сергия, больше некому.

Прием организовали на высшем уровне. Среди гостей заметил известных на Олимпе власти личностей, того же руководителя аппарата Президента, оппозиционных лидеров, бизнесменов, артистов. Вокруг них тусовалась публика калибром ниже, но тоже довольно значимая. Каждого пришедшего встречал хозяин, Михаил Фридман, приближенный к высшим кругам, сам входит в него. Чего у него отнять, так это обходительности, уделял внимание гостям, не чинясь своей избранностью. Меня он тоже приметил, отозвался как о перспективном ученом и авторе замечательных песен. Вечер прошел довольно увлекательно, вел его изобретательный на выдумки Валдис Пельш, выступали артисты и скандальные политики, не обошлось без перебранки между ними, ставшей своеобразным шоу. Наташа тоже выступила, очень удачно, ее вызвали на бис, а потом и меня, как автора полюбившейся песни.

Мои однокурсники также оказались среди гостей, вернее, сопровождающих их. Родители Виктора Немчинова и Александра Максимова из власть имущих городского уровня, захватили на раут своих чад, уже сейчас заботясь об их продвижении в элите. Ко мне юноши не подходили, не такие уж между нами приятельские отношения, но смотрели на меня удивленными глазами, по-видимому, не ожидали встретить здесь. А когда меня вызвали на сцену и встретили аплодисментами далеко не простые люди, нескоро приняли тот факт, что известный сочинитель популярных песен и я – один и тот же человек, не раз ловил на себе их обескураженный взор. Потом, на следующий день после раута, они поделились, по-видимому, своим открытием с другими студентами, судя по обращенным на меня восторженным взглядам однокурсниц и уважительным, у некоторых завистливым, – ребят.

Следующим из группы, после Вани Савченко, кому я помог, стала Дарья Елисеева, наша староста, хотя между нами с первого дня возникла антипатия. Открыто мы свои отношения не выясняли, каких-то скандалов или разборов на людях не устраивали. Дарья, наверное, чувствовала идущую от меня неприязнь, отвечала тем же, исподтишка гадила мне. То скажет колкость или насмешку, вроде напрямую ко мне не обращенную, но ясно понимаемую, о ком же она, то задвинет меня на какие-то работы или дежурства, чаще, чем других. Я, конечно, пакостями ей не отвечал, но иной раз нагонял страху. Заметил, что Дарья почему-то не выносит моего взгляда, при обращении ко мне отводила глаза в сторону. Вот и пользовался этим, заставлял небольшим внушением смотреть на меня, сам же передавал своим взором укоризну в ее недостойном поведении. Такое переглядывание действовало на Дарью убедительно, на некоторое время она затихала в своих кознях, до очередного раза, пока прежний страх у нее не пропадал.

Многое поменялось через месяц после начала занятий. Она стала беспокойна, что-то тревожило ее, иной раз уходила мыслями куда-то. Могла ответить невпопад или не слышать обращенный к ней вопрос, встать как в ступоре. Я пожалел девушку, сам подошел к ней и сочувственно спросил:

– Даша, извини, если потревожу. У тебя какие-то проблемы? Может, я смогу помочь тебе.

Она посмотрела на меня непонимающе, а потом, видя мою участливость, все же ответила, в тоне слов чувствовалось страдание:

– С сыном моим плохо, Сережа. Ему сейчас два года, три месяца назад упал с горки, что-то с головой случилось. Перестал говорить, никого, кроме меня, не узнает, даже мою маму, хотя она с ним нянчится с самого рождения. Врачи обследовали Лешу, поставили диа-

гноз: травматическая энцефалопатия. Дали назначение, а от лечения толку нет, стало только хуже, он уже не ходит.

– Даша, я могу посмотреть его. У меня есть некоторые способности, экстрасенсорные, возможно, что смогу помочь.

– Спасибо, Сережа. Но, знаешь, я уже водила сына к бабкам, они тоже не помогли, только денег на них потратила, немало.

– Конечно, Даша, дело твое. Навязываться тебе не стану, но если захочешь моей помощи, то обращайся. Насчет денег не беспокойся, я их не прошу.

На следующий день Даша все же подошла ко мне, наверное, за ночь решилась, что хуже уже не будет.

– Сережа, я согласна, – со слабой надеждой произнесла девушка, – вдруг у тебя получится. Если сможешь вылечить Лешу, то ничего не пожалею, все отдам!

Еще раз повторил отчаявшейся матери, что мне ничего не нужно от нее, а потом уговорились, что приступим завтра, сразу после занятия. Сегодня я не мог задерживаться, срочное задание на работе.

Квартира у Даши двухкомнатная, в одной она с ребенком, в другой ее мать. Мы приехали на моей машине и поднялись на лифте на последний этаж. В квартире застали мать, Серафиму Владиславовну, та на кухне готовила кашу для малыша. С ней я почти не общался, вскоре после нашего прихода она заторопилась куда-то и ушла. Ребенок еще спал, Даша не стала его будить, быстро приготовила покушать, а после мы полдничали. Еще сидели на кухне, когда услышали, как в комнате захныкал малыш. Даша побежала к нему, возилась с ним, наверное, меняла подгузники, потом покормила приготовленной кашей. Я не стал заходить к ним и беспокоить, ждал на кухне, пока молодая мама обихаживала сына.

Вид ребенка вызвал сочувствие с первого взгляда, когда я зашел по приглашению Даши в ее комнату. Он лежал на кровати с абсолютно безучастным видом, не отреагировал, когда я наклонился над ним, а потом поводил перед его глазами рукой. Присел рядом с ним на поставленный Дашей стул, приступил к обследованию. Девушка же все время стояла рядом молча, даже не слышно было ее дыхания. Аура ребенка в районе головного мозга зияла темными провалами, при детальном обзоре обнаружил обширные повреждения тканей, сосудов и каналов на большей части коры, в лобной части мозга. Видны грубые рубцы, некоторые сосуды все еще не зажили, кровоточат, многие нейронные цепи разорваны.

Клиника очень сложная, необходимы оперативные воздействия в большом объеме и ювелирной точности. На несколько секунд задумался, возникли сомнения – по силам ли мне такая операция. Слишком значительный риск ошибки или погрешности, способных вызвать фатальные последствия. Да и моих знаний, а главное – опыта, катастрофически недостаточно для гарантированного успеха. Но и оставлять без помощи нельзя, при подобной картине совсем скоро произойдет полная деградация и распад основных центров, ребенок станет бездумным овощем, только с самыми простыми рефлексам. Переборол страх, решил начать операцию, но с максимальной осторожностью и поэтапно. Сейчас мне надо хотя бы остановить деструктивный процесс, а уж потом по-возможности приступить к восстановлению поврежденных участков.

Починил сосуды, от более крупных до самых мелких капилляров – сращивал, выравнивал от рубцов и складок, убирал бляшки и закупорки. На них потратил уйму сил и времени, весь вымотался, но закончил. В завершении вычистил прилегающие ткани от остатков крови и плазмы, они приобрели более здоровый, розовый оттенок. На этом прервал первый сеанс, после еще раз осмотрел общую ауру, заметной разницы с начальной картиной нет, если не считать исчезновение черных линий в местах поврежденных сосудов. Первый шаг сделан, впереди еще много таких. Процесс предстоит длительный и затратный,

но он не пугал меня. Я остался доволен первым результатом, мне удалось совершить то, чем раньше не занимался и даже не представлял.

На следующий день устранял многочисленные рубцы на тканях, каналах, заживлял обнажившиеся пласты, восстанавливал приток крови на отмершие участки. Итак каждый день, на протяжении недели, по кусочкам, возрождал к жизни важнейший орган маленького пациента. На первых порах в его поведении явных сдвигов не было. Заметил в глазах Даши сомнение, не впустую ли я трачу время и силы. Она видела, что я выматывался после каждого сеанса, сидел без сил, пока не приходил в хоть какую-то норму. Но уже после третьего малыш стал проявлять реакцию – заворочался, попытался поднять голову, двигать руками-ногами. А на следующий день заговорил, позвал вслух маму. Даша припала к маленькому тельцу, плакала и повторяла:

– Я здесь, сыночек, мама рядом с тобой. Вот дядя Сережа вылечит тебя и мы пойдем гулять. Ты хочешь в парк, на карусели, на паровозик? Мама тебе еще мороженное купит.

Тот натужно, видно, что ему трудно говорить, все же ответил, едва слышно: – Да, мама, хочу...

А после завершающего сеанса, я ему еще закачал дополнительную энергию в общую ауру, он смог встать и сделать несколько шагов, пока не упал на руки плачущей от счастья матери. С тех пор Даша стояла за меня горой, на любое замечание в мой адрес от кого бы ни было реагировала резкой отповедью, старалась всеми возможностями услужить мне. Можно сказать, я стал для нее обожаемым кумиром, она не позволяла даже пылинке сесть на мой светлый образ. Вот так из неприятеля стала самым преданным союзником. А сын, как она рассказывала, вскоре побежал, стал залезать на те же горки, даже деревья, нисколько не боясь. Только мама больше пугалась, пока со временем не свыклась с мыслью, что живому мальчишке нужны движения, тратить свою энергию в играх или прогулках. Я несколько раз навещал малыша, своего первого пациента с такой серьезной клиникой. Но беспокойства он не доставил, лечение полностью сняло все последствия травмы.

У меня создалась проблема с озорными девушками группы. Я относился к ним равно, дружелюбно, но никому не давал каких-то намеков на более тесные связи. Их это завело, пытались всяческими девичьими уловками завлечь меня в свои сети. Среди них даже началось соперничество, кому первой удастся «взять крепость» моей неуязвимости от их чар. Даша по секрету рассказала мне, что самые отчаянные девчонки заключили пари на этот счет, каждая надеялась выиграть его. То одна, то другая обращались ко мне с надуманными вопросами и просьбами, томно вздыхали, обстреливали меня стрелами загадочных взглядов, как бы невзначай касались рукой или крутым боком. Кто-то, не мудрствуя лукаво, прямо приглашал меня в гости, пока никого нет дома.

Я уже замаялся отбиваться от соблазнительных наскоков. Иногда вмешивалась Даша, осаживая слишком заигравшихся девушек. Некоторые из ребят стали дуться на меня из-за чрезмерного внимания лучшей половины, не оставляющего им надежды на свою толику ласки от прелестниц. Наибольший пыл в любовных притязаниях проявила Ксюша Аникеева, первая красавица если не курса, то группы точно. Изо дня в день штурмовала меня соблазнами своих зеленых, колдовских, глаз, точеной фигурки идеальных пропорций, откровенными нарядами. Одна за другой сдавались конкурентки после бесплодных стараний, а Ксюша все не отставала. Я уже прямо ей высказался, не побоявшись задеть девичью честь, что мне она не нужна. В конце концов у девушки любовная интрига, начавшаяся как игра, переросла в страсть. Я видел, что Ксюша потеряла контроль над собой, следила за мной неотрывным взглядом, ходила по пятам неотступно, мучаясь сама и досаждая мне.

Интерлюдия

Ксюшу баловали все – родители, бабушки и дедушки, даже брат, старше нее на десять лет. Она не знала отказа в своих просьбах, все родные старались ей угодить. Да и невозможно было отказать обаятельной девчужке с бездонными зелеными глазами, унаследованными от красавца-отца, когда она мило просила какую-нибудь безделушку. Даже в садике мальчишки наперебой предлагали ей свои игрушки, угощали принесенными из дома сладостями. В школе с первого класса стала центром внимания, мальчишки роем вились вокруг нее, дарили цветы, носили до дома портфель. В старших классах не один сверстник пал жертвой очарования юной девушки, записки с признанием любви подсовывали в ее сумку, а она их небрежно выбрасывала.

Первый опыт любовной связи Ксюша пережила в девятом классе, ей только исполнилось шестнадцать. Она отдалась Валентину, юноше на год старше ее, из семьи друзей дома. Он пользовался успехом среди своих сверстниц, привлекал обаятельной внешностью и отточенными манерами юного волокиты. Ксюше тоже захотелось внимания красавца, да и испытать волнующие всех девушек чувства первой близости. Все произошло как в любовных романах, которыми зачитывалась Ксюша: – цветы, признания в любви, вино, а потом постель.

Боли почти не чувствовала, правда, и какого-либо особого удовольствия тоже, хотя юноша старался – умело ласкал в эrogenных зонах, мягко вошел в нее, обращался нежно. Наверное, сказались страх и неопытность. После они встречались неоднократно, у нее или у него, когда дома никого не оказывалось, занимались сексом уже с гораздо большим пылом и умением. Но особой привязанности между ними не было, у каждого, у Ксюши тоже, случались нередкие связи с другими партнерами, какой-то пуританской моралью себя не сдерживали.

Так и жила девушка в свое удовольствие, пока не встретила в институте свою первую любовь, принесшую боль и несчастье. Нельзя сказать, что Сергей с первого взгляда увлек ее. Она чувствовала идущее от него обаяние, все женское естество потянулось к этому внешне не очень красивому юноше. Но приняла это притяжение как интерес к очередному бойфренду, с которым можно потешить свое тело и душу, если он окажется занимательным, а потом оставить, когда наскучит. Да и выглядел Сергей весьма импозантно – приятные, даже изысканные манеры, такой же наряд, ухоженный вид.

Все изменилось со злосчастным пари, предложенным закадычной подругой Мелиссой Коршуновой, Ксюша дружила с ней едва ли не с первого класса, они и в институт поступали по обоюдному решению. Предложение казалось заманчивым, а приз волнующе привлекательным, особенно, когда он не дается просто. Инстинкт охотницы захватил ее, как и других девушек, принявших вызов. Ксюша применила всю свою «тяжелую артиллерию», безотказно действовавшую на других любовников, но с Сергеем, к великому ее удивлению, она не сработала.

Азарт, а может другое, более глубокое чувство, уже не отпустил девушку, постепенно из охотницы сама стала жертвой. Не заметила, как молодой человек занял все ее мысли, ничто другое уже не интересовало, осталось только непреодолимое желание видеть любимого, она призналась себе в этом. А пренебрежение Сергея резало сердце по живому, жестокие слова сводили с ума от обиды на него и себя. В один особо отчаянный вечер Ксюша решилась. Дождалась, пока родители легли спать, тихо пробралась в ванную. Набрала теплой воды, разделась и легла. А затем, дрожа от страха, лезвием вскрыла вены...

Конец интерлюдии

Однажды дождливым утром Ксюша не пришла на занятия. Вначале испытал облегчение, ее навязчивое внимание уже переполнило чашу моего терпения. Я уже продумывал возможные меры психического давления на нее, по-возможности щадящие, но все же ради-

кальные. А потом в сердце что-то схватило, какая-то щемящая боль. Принял ее за жалость к потерявшей рассудок девушке, ведь я сам, пусть и невольно, оказался причастен к такому ее состоянию. Что должен был предпринять, даже не представлял, но не потакать же капризам сумасбродной девицы!

На следующий день ее подруга, Мелисса, принесла страшную новость – Ксюша пыталась покончить с собой! Слава богу, вовремя вмешалась в судьбу бедной девушки мать, что-то ее разбудило ночью. Она пошла в комнату дочери, не застав там, принялась искать. В закрытой ванной увидела свет, стала звать дочь, та не отозвалась. Разбуженный криками жены отец Ксюши взломал дверь, поднял из покрасневшей воды тело потерявшей сознание девушки. Вызванная скорая помощь увезла несчастную в больницу, там спасли едва не угасшую жизнь. Сегодня утром Мелисса забежала к Ксюше. Та очнулась, ее жизнь уже вне опасности, но к ней еще не пускают, слишком слаба, потеряла много крови.

После рассказа подруги пострадавшей вся группа посмотрела на меня. В глазах почти всех видел осуждение, даже у верной Даши. Не стал ничего говорить или оправдываться, но мысли о Ксюше, ее отчаянном поступке не шли из головы. Вечером дома мои подруги заметили мое подавленное состояние, Таня обеспокоилась:

– Сережа, что случилось? На тебе лица нет!

Не стал скрывать, рассказал, как есть:

– Два дня назад одна девушка из нашей группы попыталась покончить с собой, ее едва спасли. Случилась беда из-за меня. Она влюбилась, а я отказал ей. Может, я не нашел правильных слов, но потворствовать ее прихоти не стал. А вышло вот как. Теперь не знаю, что я должен был сделать, что бы не доводить до такого. Да и сейчас, что же от меня требуется.

Несколько минут стояло молчание, ее прервала Наташа:

– Как я понимаю ее! Ведь без тебя и я бы не смогла жить!

А потом неожиданно добавила: – А давай, Сережа, возьмем ее к себе, если она согласится!

Такое заявление вновь вызвало замешательство, пока Алена не высказалась:

– Да, Сережа, здесь собирается клуб влюбленных в тебя дурочек! Одной больше или меньше, разницы не вижу.

Вот так мои подруги порешили за меня злободневный вопрос, уже второй день не дающий мне покоя. На следующий день ранним утром поехал в городскую больницу, уточнил в справочной отделение и палату Ксюши, поднялся туда. Меня допустили к девушке, в своем халате прошел по длинному коридору почти до самого конца, постучал в нужную палату. Вошел после разрешения, сразу заметил лежащую у окна Ксюшу, вторую койку занимала пожилая женщина. Девушка не спала, увидев меня, приподнялась, а потом упала на подушку без сил, только вымолвила тихо: – Сережа, ты пришел...

– Лежи, лежи, Ксюша, я сам подойду.

Поставил стул рядом, присел. Ксюша неотрывно смотрела на меня, в ее глазах видел боль и надежду. Положил на постель под ее руку букетик садовых цветов, а потом виновато сказал:

– Ксюша, извини, пожалуйста, меня, что обидел.

Девушка смотрела заблестевшими от слез глазами, ответила вполголоса:

– Если бы ты знал, Сережа, как мне больно, здесь, в сердце!

Взяла мою руку и приложила к своей груди. Даже через больничный халат чувствовал, как бьется ее сердечко. Не отнимая руку, другой погладил по волосам, бледному лицу, повторяя: – Прости, Ксюша...

Немного позже, когда девушка немного успокоилась, предложил ей: – Ксюша, давай я тебя осмотрю, по-возможности помогу.

Она улыбнулась, а потом ответила:

– Я знаю, Сережа, что ты можешь многое. Даша рассказывала, как ты вылечил ее сына. Я согласна.

Осмотрел слабо светящуюся ауру, отметил затемнения в некоторых зонах сердечно-сосудистой системы, в лимфоидном органе иммунного центра, в остальной части заметных отклонений нет. Много времени на восстановление нарушенных органов не понадобилось, немного еще активизировал выработку кровяных тельцев и гемоглобина в костном мозге, завершил накачкой энергией в общую ауру. В принципе состояние у Ксюши теперь удовлетворительное, нужно еще немного времени, пока организм восполнит потерю крови.

Лицо у Ксюши порозовело, она вновь попыталась присесть, на этот раз ей удалось. Я присел ближе, обнял за плечи, помогая ей сидеть. Девушка наклонилась ко мне, прижала голову к моей груди и, закрыв глаза, замерла. Так она сидела долго, из ее глаз вновь потекли слезы, а потом шепотом произнесла: – Как я мечтала, Сережа, чтобы ты так обнял меня, а я слушала твое большое сердце.

– Знаешь, Ксюша, я хочу сделать тебе предложение!

Девушка подняла голову, посмотрела на меня изумленными глазами: – Сережа, но ты ведь женат!

– Тем не менее, Ксюша, – продолжаю я, – переходи к нам жить, жена согласна. Будешь младшей в моем гареме!

Улыбнулась, а потом решительно кивнула: – Согласна, хоть десятой!

Уточняю: – Не десятой, а четвертой!

– Какой четвертой?

– Ты в моем гареме, Ксюша, будешь четвертой.

– Вот это да, Сережа! Ты, оказывается, женолюб, а так меня мучил!

– Но ты же согласна?

– Согласна! Вот выпишусь из больницы, возьму вещи и перейду в твой гарем! Теперь ты от меня не уйдешь. Ведь так, Сережа?

Соглашаюсь: – Так, Ксюша, – а потом добавляю, – только предупреди родителей, они ведь должны знать.

– Представляю, Сережа, как они воспримут, что я ухожу в гарем! Но никуда не денутся, придется им согласиться, я знаю.

Оставил девушку в бодром настроении, из больницы отправился в институт.

## Глава 3

День прошел как обычно, только девушки (разве что кроме Даши) объявили мне молчаливый бойкот. Мелисса вообще убивала меня взглядом, ненависть и презрение лилось от нее рекой. Не стал объяснять что-либо им, вел себя как ни в чем не бывало, вызывая осуждение окружающих. Как же, девушка из-за меня едва не погибла, а я, бессердечный, даже не переживаю за нее, тем более, не раскаиваюсь в своем проступке. После занятия не стал заезжать в больницу, туда отправилась вся группа навестить страдальцу. Поехал на работу, поздним вечером, после возвращения домой, отчитался подругам о разговоре с Ксюшей.

Согласие девушки переехать к нам они приняли благожелательно. Тут же принялись выбирать для новоселицы комнату из свободных, их еще в нашем доме с запасом, а потом наводить в ней порядок и обустраивать разными, нужными для юной девушки, принадлежностями и мелочами. За два дня все подготовили, а после в нетерпении ожидали приезда отчаянной девушки, решившейся из-за неразделенной любви на подвиг (так мои романтические подруги восприняли безрассудство Ксюши, даже более прагматичная Таня). Они уже заранее были готовы принять ее под свое крылышко, помочь вжиться в нашу все увеличивающуюся семью.

Девушки группы простили меня после встречи с Ксюшей, судя по тому, что прекратили бойкот. Заметил у них вспыхнувший с новой силой интерес ко мне, глядели на меня круглыми глазами и перешептывались между собой. Можно и не гадать, Ксюша поделилась с ними тайной о моем гареме, теперь они живо обсуждают такую интересную и волнующую юные девичьи сердца новость. Наверное, кто-то из них не против присоединиться – если приняли Ксюшу, то почему и не их? Но я вновь игнорировал подобные поползновения, а пойти примером отчаянной девушки – на такой подвиг никто из девиц не рискнул.

Каждый день навещал Ксюшу, она уже вставала, выходила из палаты, все торопилась выписаться. Встречала меня объятиями и поцелуями, не стесняясь соседки и заходящих в палату служительниц персонала. Я отвечал ей больше из жалости, но ее ласки не были мне противны, так что не утруждал себя в обхождении с девушкой. Обоюдные ухаживания еще более разжигали пыл Ксюши, ей не терпелось скорее переехать ко мне, так и высказалась:

– Сережа, я не могу больше ждать! Мне уже снится, как ты ласкаешь меня, я таю в твоих объятиях. Просыпаюсь мокрая от слез, а тебя нет!

На четвертый день девушку выписали, я заехал за ней и тут впервые встретил мать, Ирину Владимировну. Ксюша сказала мне, что родители знают обо мне и моем предложении, но оставили с решением до ее возвращения домой. Встреча вышла тягостная, только присутствие дочери сдержало возмущенную мать от резких высказываний мне в лицо. Она не ответила на мое приветствие, в глазах видна только ярость. И еще обида. Как же так, злодей, едва не погубивший кровиночку, теперь похищает ее в свой вертеп! А она, дурочка, простила своего погубителя и идет как на веревочке за ним. Не стесняется родной матери, пристаёт с ласками к этому подлецу, а он, сволочь такая, еще нос воротит, даже не обнимет покрепче!

Эмоции матери читаю и без дара, но не пытаюсь их как-то унять. Сейчас это бесполезно, надо дать время им уложиться. За весь путь от больницы до Ксюшиного дома не перемолвился с Ириной Владимировной и словом. Только отвечал возбужденной девушке, почти не смолкавшей всю дорогу. Она обращалась то ко мне, то к матери, пыталась навести между нами мостики. Мы кивали ей согласно, но в контакт между собой не вступали. Уже дома втроем посидели за столом, а потом Ксюша повела меня в свою комнату, ждать здесь прихода отца.

Едва закрыла на ключ дверь, тут же набросилась на меня, одежда полетела от нас во все стороны. Я ласкал истомившуюся девушку, а она стонала, почти не сдерживала крики. Ее тело отзывалось на каждое касание. Ксюша вся выгибалась под моими губами, ласкающими ее грудь, живот, лоно. А когда я вошел в нее, затрепетала, содрогалась в непрекращающемся оргазме. Такой страсти еще не встречал у подруг, девушка терзала меня неустанно, после одного экстаза вновь продолжала сладостную пытку до следующего. Так в объятиях и наслаждении мы провели неизвестное время. Оно пролетело как миг, когда услышали голоса, пришел отец Ксюши, Юрий Николаевич.

Спешно стали приводить себя в порядок, раскрасневшаяся девушка проскочила в ванную и приняла душ, пока отец был занят разговором с матерью. Вышли к родителям, ожидавшим нас в зале, в более-менее приглядном виде. Я первым поздоровался с Юрием Николаевичем, он ответил, а потом принялся расспрашивать Ксюшу и меня о наших отношениях и планах. По сравнению с супругой настроен он ко мне заметно мирно, как-то пытался разобраться, понять наши намерения. Ирина Владимировна в разговор не вступала, доверилась мужу в решении семейной проблемы. После, выслушав нас, Юрий Николаевич высказался:

– Сергей, в том, что случилось с Ксюшей, вина твоя есть. Но забудем о ней, надо жить дальше. Если Ксюша хочет жить с тобой, то мы с Ириной Владимировной противиться не будем. Для нас важнее ее счастье, чтобы никогда не повторилась такая беда. И не обижай, родительское терпение не бесконечное, за дочь мы ни перед чем не остановимся.

Немного помолчав, обратился к дочери:

– Ксюша, мы с мамой любим тебя. Знай, мы всегда готовы принять, чтобы с тобой не произошло. Если Сергей нужен тебе, то иди, поступай, как считаешь нужным. Дай боже, чтобы он дал тебе счастье. Пожалуйста, звони нам, навещай, мы ведь переживаем за тебя.

Ксюша не стала откладывать с переездом, принялась складывать свои вещи в сумки и коробки. Набралась целая грудa, хотя я сказал девушке, что мои подруги взяли ей все нужное. Разве что кроме самого личного. Таким и посчитала Ксюша все отобранное. Одних платьев и прочей одежды сложила с добрый десяток тюков. Уговорил часть оставить, просто все в машину не влезет, прихватим в следующий раз. Но и без того набили мою Камри битком, напоследок присели перед дорогой. Катюша простилась с отцом и прослезившейся матерью, в последнюю минуту все же благословившей нас, и мы поехали в наш особняк.

Новоявленную сожительницу мои подруги приняли приветливо. После того, как я познакомил их, они окружили заботой Ксюшу. Пока я переносил вещи из машины, разговорили смущенную вниманием девушку, развеяли ее начальную настороженность. Слышал, как они вместе смеялись, наперебой рассказывали о чем-то. С некоторым облегчением воспринял, первая встреча между ними прошла, можно считать, благополучно. Ксюша с интересом приглядывалась к нашим детям, потешкалась с Леной и уже бегущим по комнатам Сережей-младшим, свела знакомство со старшими Валюшей и Сережей. Да и заметно округлившаяся Алена привлекла ее женское внимание, попросила послушать у той плод, а потом замерла, прислонившись ухом к выступающему животу.

Девушке понравилась приготовленная для нее комната – светлая, просторная, больше, чем ее прежняя, высокие стены с красивыми шелковыми обоями. Мебель тоже приятная, новая, для всех нужд. Принялась раскладывать вещи как ей удобно, прибиралась, пока остальные подруги накрывали стол. Ужин у нас получился запоздавшим, особо не налегали, разве что Алена кушала за двоих. После подруги уложили детей, сами разошлись по своим комнатам, оставили меня с Ксюшей наедине в общей спальне. Она еще подивилась огромной кровати, зачем нам столько. Рассказал о наших семейных оргиях, одновременно со всеми женами. Ксюша в первый момент растерялась, переспросила:

– Со всеми сразу? Как так?

– Да, все вместе, сразу. Но все по общему желанию. Если не захочешь, то будем только вдвоем.

– Да, Сережа, скучать с тобой не придется! И как ты, справляешься, всех сразу?

– Вроде подруги не жалуются. Ты сама завтра сможешь узнать у них.

– Да, мы еще поболтаем, между нами, девушками! Но сегодня ты только мой, я возьму тебя всего, как мечтала!

Да, то, что делала в своей квартире Ксюша, оказалось только цветочками. Сейчас же в нее вселился демон в женском обличье, настоящая суккуб! Она кричала, царапалась, кусала, никак не могла насытиться. Еще никогда такого со мной не было, едва справлялся с обезумевшей от похоти дьяволицей. Не ожидал от обычной с виду девицы такой страсти, ни одна из прежних партнерш даже близко не могла сравниться с ней. Час за часом между нами шла схватка, я напрягал все силы, но все же одолел хрупкую девушку. Кому об этом расскажешь, не поверят! После, когда мы лежали без сил, Ксюша призналась:

– Сережа, я с тобой сошла с ума! У меня ни с кем такого раньше не происходило. Но я ни о чем не жалею, за такое счастье могу еще раз отдать жизнь! Только всю тебя расцарапала, извини. Как же ты завтра пойдешь на занятия?

– Не переживай, до свадьбы заживет! Да и прикрою чем-нибудь, если будет видно.

Наутро занялся ранками, восстановил кожный покров, но бледные полосы на их месте остались. Ксюша дала свой шейный платок, обвязался им. Если не приглядываться, то следы девичьего буйства не заметны. Так и выехали утром, вначале завез Наташу в ее институт, а затем с Ксюшей поехали в свой. Ее встретили как героиню, девушки окружили стайкой, стали обнимать и целовать, а затем засыпали вопросами. Ребята также подходили, спрашивали о самочувствии, но, видя ее занятость подружками, отходили. Ко мне вначале внимания не проявляли, но концу занятий я уже стал героем. Заметил в который раз, у Ксюши секреты не задерживаются, та еще балаболка. Наговорила подругам невесть что, те дыры прожгли на мне заинтересованными взглядами. Да еще норовили подойти поближе и заглянуть под платок.

В последующие дни, вернее, ночи такого безумства Ксюша уже не допускала, как-то контролировала себя. Если и срывалась, то не до такой степени. Еще разузнала у Наташи, с ней она особо сблизилась, о наших оргиях, также захотела испробовать эту экзотику. Сначала с Наташей, а после и с Таней, устроила мне кучу-малу, не чуралась любовных утех и с ними. До активный лесбийских игр они не дошли, но пикантности нашим оргиям такие забавы добавили. Ксюша проговорила мне, не сомневаюсь, и подружкам в институте тоже, что ей в нашей семье нравится все больше, такие мы все интересные и ласковые! Родителям тоже, мы заезжали к ним в первый месяц почти каждые выходные, потом реже.

Скоро о Ксюше узнали и мои родители, когда пришли навестить нас и детей, но особо не поразились. Мама только посмотрела на меня укоризненно, но Ксюшу приветила. Правда, доченькой не называла, как Наташу. Та вообще у мамы любимица, ни с кем из других моих подруг так не ласкова, как с ней. Отец же наедине недоуменно высказался мне:

– Как же ты справляешься с ними всеми?! Тут с одной замучаешься, всю плешь проест, а у тебя вон сколько!

Сам иногда задавался вопросом, как мои подруги, совершенно разные по характеру, мирно уживаются, даже, можно сказать, живут душа в душу. Наверное, их объединяли общие семейные заботы. Но все же главное, предполагаю, – авторитет мужа, ради него шли на компромиссы, старались не вызывать недовольства даже в самом малом. А моя похвала, на которую я не скупился, сторицей воздавала их терпение в каких-то житейских мелочах или неурядицах.

Между любовными и семейными треволнениями продолжал освоение новых возможностей дара, открывшимися после недавней благодати святым духом. Именно с их помощью

я смог справиться со сложнейшей клиникой Дашиного сына. Ранее мысль о подобном казалась кощунственной, только погублю ребенка. Даже с новыми, многократно выросшими, силами удалось вылечить малыша полным напряжением, на каждом сеансе до дна исчерпывал свою энергию.

Но первый опыт дал мне многое, главное, научился оперировать на самом тонком уровне, вплоть до мельчайших капилляров и нейронных каналов. Преодолею страх, когда брался за них, а потом ювелирными воздействиями энергетическим лучом, микрон за микрон, прошел каждый их них. Вымотался от натуги, боясь допустить хоть какую-то ошибку, но добился нужного. В последующем такие операции проводил намного увереннее, с гораздо меньшим напряжением сил.

Мне открылась новая способность видения в аурном свете. Я уже четко видел состояния всего организма, а не фрагментами, как прежде, протекающие в нем процессы – прохождение нейросигналов, сокращение мышц, циркуляцию крови, гормональные всплески. При детальном осмотре какого-либо органа или системы замечал мельчайшие оттенки вплоть до отдельных узлов или тканей. Мог уже проследивать реакцию оперируемого участка на мои действия и корректировать при отклонении от требуемой, тем самым вовремя исправлять ошибки.

Пока очень осторожно, точечными уколами, сначала на себе, а потом на ближних, приступил к влиянию на отдельные центры нервной, сердечно-сосудистой, иммунной систем. Добился первых, пусть и небольших, сдвигов с ними. Не всегда, но получалось снимать тревогу и боль, или, напротив, добавлять жизнерадостности, останавливать кровь в каком-то сосуде, восстанавливать иммунную защиту. Не ставил целью подчинять волю окружающих, но такую возможность не исключал. Как, например, преступника, угрожающего жизни, или возмутителя спокойствия. Правда, до такого мне еще далеко, но посчитал вполне реальным, первые опыты обнадеживающие.

В канун Нового года Алена родила сына. Ночью у нее начались схватки, все подружки захлопотали вокруг роженицы, помогая ей собраться. Не стали вызывать скорую, я сам отвез ее в роддом и прождал здесь до рассвета, когда мне передали вест о рождении сына. Слава богу, все прошло благополучно, мать и ребенок в полном порядке. После занятий заехал к Ксюшей к ним, видел в окно уже вставшую на ноги Алену. Она передала нам записку, что чувствует себя нормально, ей уже приносили ребенка. Таня с Наташей навестили ее вечером, оставив Ксюшу присматривать за детьми.

Так каждый день, по очереди, мы проводывали Алену, как и ее родители. Я им позвонил сразу после рождения сына, мать примчалась в больницу в тот же час, а отец к вечеру. Ребенок у них первый внук, так что чувства новоявленных бабушки и дедушки понятны. На выписке встречали молодую маму с младенцем мы с Ксюшей. Я принял сына из рук цветущей от радостной улыбки Алены, она также, как когда-то Наташа, спросила:

– Правда, Сережа, наш сын красивый? Весь в тебя!

Не скажу, что я писанный красавец, да и как по личику новорожденного можно судить о подобном, но уверенным тоном отвечаю:

– Конечно, Алена, он самый красивый и милый. Как и ты, любимая!

Так, с взаимными уверениями, отправились в свой дом, там все приготовили для приема мамы и малютки. Помогали Алене все, даже старшие дети, наперегонки приносили пеленки и подгузники, угукали с малышом. Молодая мама только кормила грудью, глядя блаженно на сосущего младенца как Литта, кормящая мадонна. Я же присаживался рядом, прижимал к себе счастливую Алену, а она клала голову мне на грудь. Так мы сидели долго, смотря на довольного сына, пока он не засыпал.

Алена укладывала Виталика, мы называли сына в честь его дедушки, я поднимал жену на руки, нес в постель и нежно ласкал ее. Заметил в себе особое влечение к подругам, кор-

мящим грудью. Вид обнаженной груди, сосущего младенца, даже идущий от них запах – возбуждали меня непомерно. Так было с Таней, когда она кормила Валюшу, а потом Сережу, с Наташей, теперь с Аленой. С трудом сдержал себя от близости с только что родившей подругой, разрядил все скопившееся напряжение в неистовом соитии с темпераментной Ксюшей.

Перед Новым годом водил Валюшу и Сережу-старшего в институт на утренник. Дед Мороз и Снегурочка с подарками, хороводы, кукольный спектакль захватили души малышей, своими маленькими сердечками переживали происходящее празднество, глаза их сверкали от возбуждения. Я сам с ними как-бы оказался в чудесном волшебном мире, радовался и волновался за них, а они только вскрикивали: – Папа, смотри, – и тыкали пальчиками в ряженных Снеговика и зверюшек, клоунов с шарами и надувными цветами.

Всю обратную дорогу и дома наперебой рассказывали об увиденном, а взрослые разделяли их восторг, умилялись детской непосредственностью и верой чуда. Мы еще вместе ходили на новогодние представления в ТЮЗ и цирк, дети и взрослые одинаково увлеченно следили за происходящими на сцене и арене выступлениями артистов, дрессированных животных. Встречали Новый год дома у пахнувшей смолой елки, каждому малышу приготовили под ней подарки, а мамы водили с ними хоровод. После всей семьей, оставив дома только Алену, отправились гулять по улицам, поздравляли встречающихся, а они в ответ нас. Ночная темнота расступалась от многочисленных фейерверков и огней, стоял непрекращающийся шум хлопушек и петард, народ вокруг веселился, мы с ними также.

Через два дня после Нового года произошло событие, повлиявшее на мою в общем размеренную жизнь далеко не лучшим образом. Мы с Таней и нашими детьми – Валюшей и двумя Сережами, – только что вернулись с утренника во Дворце и сели обедать, когда позвонили в воротах. Пошел открывать, увидел стоящий прямо у ворот джип Чероки и рядом с ним троих молодых людей в кожанках. Тот, что постарше, спросил у меня, едва я вышел за калитку:

– Евсеев Сергей?

Меня насторожил их вид, в них нетрудно распознать братков из криминальных кругов. У меня прямых контактов с такими деятелями до сих пор не было, если не считать разборки со шпаной трехлетней давности. Так что их приезда я не ожидал, тревога охватила меня. Но постарался не показать чужим людям свою обеспокоенность, спокойным тоном отвечаю:

– Да, это я. По какому поводу ко мне?

– Бугор послал нас за тобой. Он все объяснит. В обиде не останешься.

– У меня с вами никаких дел нет. Почему я должен поехать неизвестно куда?

– Мы из Перовской бригады. Вопросы есть?

Среди обывателей на слуху крупнейшие банды города, или, как их называют, ОПГ. Перовцы входят в одну из них – Измайловскую. Она «славится» размахом своей деятельности, как в легальной сфере, так и криминальной, а также жесткими мерами в разборках с другими ОПГ. Становиться на ее пути смерти подобно, правда, в последние годы она стала действовать более цивилизованным способом, через финансовые и другие легальные возможности. Но волк остается волком, даже если он рядится в овечью шкуру. Не стал обострять ситуацию, согласился:

– Хорошо, я поеду с вами. Только на своей машине. Пойду соберусь.

Своим сказал, что поехал по срочным служебным делам, могу задержаться. Кажется, они не почувствовали мою тревогу, только Таня беспокойно смотрела на меня, такого у меня еще не происходило. Выгнал Камри из гаража, поехал вслед за джипом, только едва не потерял его за первым перекрестком. Водитель на нем с места рванул как угорелый, с ходу проскочил перекресток на желтый сигнал. Я же остановился, как требуется правилами, дождался зеленого и спокойно направился дальше. Ищу глазами провожатых, а их нет, уже

след простыл. Остановился, стал ждать возвращения бандитов. Минут через пять они прилетели стрелой, водитель с ходу принялся отчитывать меня:

– Ты, что, чайник, ездить не умеешь?

Осаживаю зарвавшихся беспредельщиков, которым правила не указ:

– Так, ребята, я с вами ехать куда-то не напрашивался. Это вам надо привезти меня, так что не торопитесь, гнать и попадаться гаишникам не собираюсь.

Водитель злобно посмотрел на меня, а потом на своего старшего, сидящего рядом. Тот успокаивающе произнес ему: – Ладно, Серега, не гони. Парень еще молодой, всего еще боится.

Дальше мой тезка ехал более внимательно, останавливался и ждал, если я отставал. Выехали за город, проехали еще с десятков километров, а потом на развилке повернули к элитному поселку в сосновом бору. Вход в него закрывал опущенный шлагбаум, старший крикнул вышедшему из будки охраннику:

– Открывай, служба. Камри с нами.

Проехали по поселку недолго, через сотню метров остановились у ворот трехэтажного особняка. Водитель Чероки посигналил, оттуда выглянул через открывшийся проем браток в камуфляже, после поторопился открыть настежь ворота. Я въехал за джипом в просторный двор, за мной их тут же закрыли. Вышел из машины, но осматриваться мне дали, старший указал: – Сергей, иди за мной.

Прошли в дом, поднялись по широкой лестнице на верхний этаж, старший позвонил у входной двери, через несколько секунд та открылась. Мы прошли мимо очередного охранника, дальше по коридору в просторную приемную. В нем за офисным столом с компьютером сидела симпатичная девушка, старший бросил ей: – Мы к Палычу.

Секретарша молча набрала связь, проговорила в микрофон:

– Иван Павлович, к вам Кузнецов, с молодым человеком.

Услышал из динамика густой бас: – Пропусти, Лена.

В большом кабинете за столом у дальней стены заметил крупного мужчину, сравнительно молодого, не больше сорока. По внешнему виду обычный руководитель среднего уровня, ничего бандитского в нем нет, разве что жесткое выражение лица и недобрый взгляд.

Кузнецов поторопился отчитаться перед боссом: – Вот, Иван Павлович, доставили Евсеева, о котором Вы говорили.

– Нормально обошлись с ним, без своих наездов? – Босс строго посмотрел на своего посыльного.

– Нормально, Иван Павлович, как Вы велели. Он сразу согласился ехать с нами.

– Ладно, Владимир, можешь идти.

Подождав, пока выйдет мой провожатый, босс обратился ко мне:

– Как зовут тебя? Сергей? Присаживайся, разговор будет долгим.

Когда я уселся за столом сбоку, продолжил уже более мягким, даже просительным тоном:

– Я слышал, что ты экстрасенс, можешь лечить серьезные болезни. У меня к тебе дело. Сын мой в коме, уже два месяца. Гонял с подружкой на своей машине по улице, на повороте не вписался и въехал в дерево. Подружка насмерть, сам он с серьезными травмами попал в реанимацию. Врачи что могли, сделали, подлатали всего, а с травмой головы не справились. Даже специалисты института Бехтеревой не смогли помочь. Признали его безнадежным. Сейчас он дома, под аппаратом, мой врач следит за ним. Сколько еще поддерживать жизнь, не знаю. Прямо скажу, сын сейчас живой труп, ни на что не реагирует. Если сможешь вылечить, то я твой должник, а за долги я рассчитываюсь сполна. Если нет, то такая судьба у Саши, придется кончать с ним. Как, возьмешься?

Подумал немного, по-видимому, у больного очень сложная патология, наверняка хуже, чем с Дашиным сыном. Коль с Лешей справился с большим трудом, то здесь вообще загадывать не стоит. Отвечаю неопределенным тоном, сомнения не дают мне уверенности:

– Мне надо посмотреть больного, по силам ли мне. Я только учусь, многого еще не знаю и не умею.

– Ты где, в мединституте учишься? На каком курсе?

– Да. На первом.

– На первом? – Явно слышу в голосе авторитета скепсис, даже разочарование. – А мне наговорили, что ты опытных врачей за пояс затыкаешь. Но все равно, мне выбирать больше не из чего. Сейчас поедешь со мной домой, дальше решим, как быть.

Дом оказался неподалеку, в этом же поселке, только на параллельной улице. Поменьше, чем первый, но тоже солидных размеров, охраны также хватало. Да, непростая жизнь у этих авторитетов, коль так пекутся о сохранности своей жизни. В доме, кроме прислуги, нас встретила супруга босса, он назвал ее Валентиной Сидоровной. На вид старше мужа, далеко не топ-модель, плотного сложения, но поддерживает себя в порядке, не расплзлась в ширину. В доме гнетущая атмосфера, уже через минуту почувствовал себя неуютно.

Беда наложила след на семью босса – его самого, жену, младшую дочь-восьмиклассницу, чувствуют как рядом с покойником. При мне еще бодрятся, стараются не показывать свою растерянность и отчаяние, но видно, что нервы у них на пределе в ожидании самого худшего. Видел фотографию сына – симпатичного парня лет семнадцати или немногим больше. Он смотрел на нас счастливыми глазами, наверное, только что пережил какую-то большую радость. Понимаю состояние родителей, видеть теперь жалкое подобие сына для них мучительно.

В комнате юноши застал доктора, уже пожилого, даже пенсионного, возраста, мужчину, он стоял у постели больного, ставил систему. Подождал немного, пока врач закончил процедуру, после принялся за осмотр. Даже общая картина ауры была удручающая, практически весь организм стал разлагаться. А в головном мозгу состояние можно оценить двумя словами: сплошная патология. Нет живого места, от коры до глубинных слоев. Рваные ткани, лопнувшие сосуды, кровь залила прилегающие участки, все отекло. Любой врач, если ему показать такую картину, посчитает больного обреченным.

Выношу родителям, напряженно стоявшим рядом со мной, даже дыхание затаили, приговор их сыну:

– Мозг пострадал очень сильно, сейчас он на грани полного омертвения. Но все же я попытаюсь как-то его спасти. Но сразу предупреждаю, такая вероятность чрезвычайно малая. Да и в лучшем случае, даже если удастся вернуть вашего сына к жизни, о полноценном восстановлении мозговой активности речи нет. Вероятнее всего, он останется с существенно нарушенным интеллектом, прямо говоря – кретином. Теперь решайте, приступать к лечению или нет. Лечебный курс займет не меньше месяца. Надо весь организм приводить в порядок, кроме головного мозга и другие органы тоже начали разрушаться. Как надумаете, вот мой телефон, позвоните.

## Глава 4

Авторитет позвонил ранним утром. Мы с Ксюшей еще лежали в постели, расслабились в рождественские каникулы. Он говорил громко, едва сдерживая волнение:

– Мы согласны лечить сына. Мать не хочет и слышать о других вариантах. Главное, чтобы сын выжил, пусть хоть каким. Сережа, я сейчас отправлю машину, через час будет у тебя.

– Хорошо, Иван Павлович, я собираюсь.

Ксюша, сплетница, во все уши слушала наш разговор, а потом переспросила:

– Все таки они согласились, Сережа?

– Да, моя болтушка!

Девушка помолчала, а потом уверенным тоном заявила: – А я знала, что так будет. Какая мать не захочет, чтобы сын ее жил, пусть и не совсем нормальным!

Я вчера после возвращения домой рассказал подругам о произошедшем, они только ахали от такой вести, переживали за бедного юношу. Пока Ксюша бегала к старшим женам поделиться последней новостью, не спеша стал собираться, потом завтракал, когда услышал шум подъехавшей машины. Водитель не стал сигналить, будоражить всех, ждал, пока я не выйду. Меня провожали жены как на подвиг, желали удачи, надеялись на успех.

За рулем сидел тот же Серега, ответил на мое приветствие, а потом дал газу. Мне так быстро не приходилось ездить в городе, даже от страха поджилки затряслись, но не стал урезонивать лихача. Машина его, пусть едет как хочет. Доехали к дому босса чуть больше, чем за полчаса, почти вдвое скорее, чем вчера со мной. Здесь ждали меня все домочадцы, босс тоже остался, решил сам понаблюдать за операцией. Они все зашли за мной в комнату Саши, даже пигалица, его сестренка. Я не стал возражать, они мне не помеха, если не станут греметь.

Начал с кровеносных сосудов. Очистил их от тромбов и сгустков, аккуратно срастил разорванные края. Сил и времени на их восстановление ушло много, слишком обширные повреждения как мелких капилляров, так и основных каналов. После немало усилий понадобилось на очистку тканей от отеков и следов излившейся крови. Результат первого сеанса меня обнадежил, исчезли темные участки в местах разрыва сосудов, они приобрели розовый оттенок. Не стал продолжать операцию, хотя еще остался резерв энергии, но доводить до полного ее истощения, как случилось с Алешей, посчитал неразумным. Лечение предстоит длительное, надо рассчитать ресурс на весь курс.

Внешне вид больного заметно не изменился, если не считать более естественный цвет лица, исчез красный оттенок вокруг глаз. Рассказал родным Саши о проведенной операции, первых обнадеживающих ее итогах. Они восприняли мой рассказ с облегчением, но пока еще боясь поверить в лучший исход. Их осторожность понятна, инстинктивно защищают себя от краха надежды. Поблагодарили меня за труд и участие, договорились о следующем сеансе. Я назначил его на завтра, только во второй половине дня. Утро у меня занято, веду детей на спектакль в ТЮЗе.

Последующее лечение проводил по продуманному плану, поэтапно. Восстанавливал поврежденные ткани, нейронные связи, нервные рецепторы, функциональные параметры. На седьмом сеансе Саша вышел из комы, открыл глаза. Видно, что он узнал родителей, мышцы лица дернулись, но сказать ничего не смог. Речевой центр, как и многие другие, я еще не восстановил. Но даже такой успех вызвал взрыв эмоций родных больного, они уже уверились в скором выздоровлении Саши. Мать плакала, обняв сына, у отца тоже дрожали губы. Когда я уходил, Валентина Сидоровна обняла меня, все еще плача, а потом, захлебываясь, проговорила:

– Сережа, я буду молить бога до конца дней своих о всех благах тебе! Ты нам вернул сына, – твоя мать поймет, – нет дорожке для меня никого, ради его жизни я готова отдать свою. Ты наш спаситель, не только сына, да хранит тебя Господь!

Не знаю, то ли молитва страждущей матери помогла или мое провидение, или все вместе, но в событии, произошедшем незадолго до завершения курса лечения, спасли мне жизнь. В тот день какая-то тревога вселилась в меня, без всякой видимой причины. Процедуры проходили в нормальном режиме, я практически завершил с восстановлением головного мозга и связанных с ним структур и систем организма, принялся за лечение других органов. Больной уже мог говорить, пусть с трудом, самые простые слова и выражения, самостоятельно есть, пить. Вставать еще не мог, двигательный центр не полностью вышел на нужный уровень рефлексии, да и с вестибулярным аппаратом мне еще надо позаниматься.

Мы уже садились в Чероки, как меня что-то толкнуло, я сел не впереди, рядом с водителем, как обычно, а на заднем сидении. Сказал еще Сереге: – Пожалуйста, не гони, что-то мне неспокойно.

За три недели общения мы как-то нашли общий язык, он уважительно относился к моим словам и просьбам. Так и сейчас, недоуменно посмотрел на меня, но пошел навстречу моему совету, ехал осторожнее, чем прежде. Но все же уйти из приготовленной судьбой или недругами ловушки мы не смогли. По неизвестной причине джип не вписался на крутом повороте перед самым городом, слетел с высокой насыпи. Перевернулся несколько раз, – меня бросало в стороны, но ремень удержал в сиденье, – а потом вмялся в стоящий у дороги дуб. Я потерял сознание.

Очнулся от боли, пронизывающей все тело – от головы до пят. Я задыхался, что-то не давало вздохнуть полной грудью. Голова раскалывалась на части, от нового всплеска невыносимой боли вновь ушел в беспамятство. Когда снова пришел в себя, чувствовал уже гораздо лучше. Боль осталась, но не столь острая, да и дышалось легче. В голове то же прояснилось, только немного кружилась от сотрясения. Мог уже думать, смотреть и замечать окружающее без опасения вызвать новую боль в разрывающемся мозгу.

Оглядел себя – почти все тело перебинтовано, грудь в корсете, правая нога в гипсе и зафиксирована в растяжках. Я в больничной палате, кроме меня здесь еще трое бедолаг, также перевязанных, правда, поменьше, чем я. За окном темно, ночь. Сколько времени я пробыл здесь без сознания, мне неизвестно, но не думаю, что долго. Стал припоминать происшедшее – машина слетает с дороги, опрокидывается, Серегу, не пристегнутого ремнем, выбрасывает из сиденья, бьет о проемы. Последнее, что осталось в памяти – стремительно надвигающееся дерево, удар.

Пришла мысль о подругах, ведь они не знают, что со мной, переживают. Как только зашла сестричка сделать одному из соседей укол, позвал ее. Голос вышел слабый, сначала хрипом, как будто горло забилося чем-то. Она все же услышала меня и подошла. Увидела, что я смотрю на нее, проговорила:

– Очнулся? Сейчас врача позову, подожди немного.

Вскоре в палату зашел врач, совсем молодой, немногим старше меня. Он бегло осмотрел меня, после выразил свое мнение:

– Неплохо, после такой аварии. Сказали, машина разбилась всмятку, только чудо спасло тебя, да еще то, что пристегнулся. Водителю не повезло, погиб на месте от множественных травм.

Покачал головой, а после продолжил: – У тебя перелом двух ребер и голени, ушибы конечностей, задеты плевры и легкое на правой стороне грудной клетки. Голова не сильно пострадала, небольшой ушиб и сотрясение. Месяц полежишь у нас и будешь как новенький.

Говорю ему без особого напряжения, голос уже восстановился: – Сколько времени я у вас?

– Доставили пять часов назад. Сразу провели операцию под наркозом, в палату перевели только что.

– Позвоните, пожалуйста, ко мне домой, жена не знает, что я здесь.

Врач, немного подумав, согласился, кроме номера телефона записал мои данные. Из документов у меня при себе оказался только студенческий билет, так что сведений обо мне, кроме фамилии и имени, у персонала не было. Не прошло и часа, как ко мне приехали Таня, Наташа и Ксюша, взволнованные почти до паники. Я уговорил врача, Дмитрия Анатольевича, пропустить их в столь позднее, неприятное, время. Мой вид – весь перевязанный, с загипсованной и подвешенной ногой, – вызвал слезы и причитания у Наташи и Ксюши. Таня отнеслась стоически, постеснялась любопытно глядящих на нас больных. Только убедившись, что я в более-менее сносном состоянии, подруги как-то успокоились, смогли сдержаннее воспринять мой рассказ о происшедшей аварии.

Попросил их утром позвонить Валентине Сидоровне и предупредить ее о переносе следующих сеансов до моей выписки из больницы. Ивана Павловича сейчас в городе нет, уехал на несколько дней по своим делам. Я о них и не расспрашивал, но еще до отъезда босса заметил обеспокоенность, даже тревогу, охватившей его. При мне он не вел каких-то разговоров или обсуждений по своему бизнесу, только на личные и семейные темы. Но в городе шли слухи о новых разборках между бандами, переделе сфер влияния, так что вполне возможно, что именно подобными проблемами в эти дни занимался авторитет.

Утром неожиданно для меня в больницу приехал сам босс. Ему вчера вечером сообщили об аварии и пострадавших его людях, он прервал поездку, срочно выехал сюда. Наверное, посчитал более важным для себя разобраться с происходящими здесь событиями. После расспросов о моем состоянии он сообщил ошарашившую меня весть:

– Извини, Сережа, но ты оказался втянут в мои разборки с недругами. Они совершили покушение на тебя, решив всяческими путями дожать меня. Сейчас тебя переведут в отдельную палату, с тобой все время будет кто-то из моих людей для твоей охраны. Но, думаю, это ненадолго, я скоро разберусь со своими проблемами, сниму угрозу тебе. Все понятно?

Умом я понимал, что связь с одним из криминальных авторитетов к добру не приведет, но вот так, самым прямым образом, стать жертвой, мишенью разгоревшейся между бандами войны, – никак не ожидал. Ставится под риск не только моя жизнь, но и моих близких. Лихорадочные мысли неслись в моей голове, но ничего толкового они не дали. Стоп, одергиваю себя, надо собраться, все хорошо продумать. Поспешность может только навредить. Отвечаю боссу внешне спокойным тоном:

– Понятно, Иван Павлович. Сейчас, думаю, другого мне и не остается, только ждать. Да и самому надо прийти в порядок, тоже время понадобится. Как только встану на ноги, продолжим лечение Саши.

Босс одобрительно кивнул, оставил приготовленную Валентиной Сидоровной снесь и ушел. Вскоре после его ухода меня на кровати перекатали в другую палату в самом дальнем конце коридора. На кушетке у двери примостился один из братков, я его видел в офисном особняке. Немногим позже пришли Алена с Таней, уже гораздо спокойнее, чем вчера. Правда, Алена поначалу тоже ахала и охала надо мной, но быстро взяла себя в руки, спрашивала по существу, также отвечала на мои вопросы о домашних делах и детях.

Мы вместе обсудили семейные обстоятельства, возникшие из-за происшествия со мной. Я объяснил о некоторых переменах в моем положении, посоветовал подругам лишней раз из дома не выходить. Они обратили внимание на охранника в палате, он сразу после прихода девушек вышел в коридор. Такое наглядное свидетельство угрозы моей, возможно, и их жизни обеспокоили подруг, даже напугали, но при мне не стали высказывать свою тревогу. Думаю, дома они вволю наговорятся о реальных и мнимых опасностях.

Еще при них пришла мама. Наташа позвонила ей утром, она, приготовив бульон, с ним поехала в больницу. От мамы тоже хватило причитаний, а потом заставила при ней покушать еще горячий суп. Вообще у меня с утра вся тумбочка и стол заполнились всякими вкусностями, тут надо хорошо напрячься, чтобы их съесть. Все три гостя наперебой ухаживали за мной, едва ли не с ложки кормили меня. Ушли все вместе, хотя Таня намеревалась остаться со мной до вечера. Ей хватило моего взгляда на дверь, за которой стоял охранник, больше не стала настаивать.

Этот день оказался богатым на посетителей. Пришел следователь из милиции, расспрашивал о всех подробностях аварии, что вспомнил я. О своем заключении он не говорил, есть ли какие-то доказательства причастности злоумышленников или происшествие идет как обычное ДТП. Во второй половине дня заявились мои однокурсники, почти вся группа. Кроме сочувствия к моему состоянию проявили и профессиональный интерес – расспрашивали о диагнозе, проводимом курсе лечения, смотрели снимки грудной клетки и пострадавшей ноги, их мне оставил врач.

Ночью, когда суeta вокруг утихла, принялся править свой организм. Не стал форсировать зарастание поврежденных костных тканей, только убрал причинявшие боль разрывы и деформации в легком и плевре, мышцах, небольшой отек в височной области мозга, восстановил оборванные кровеносные сосуды в пострадавших участках. Прислушался к себе, ничто теперь меня не беспокоило. Можно спокойно, не испытывая каких-то неудобств, дожидаться естественного выздоровления, мне спешить особо некуда.

Последующие дни проходили рутинно, без особых событий. Я уже встал с постели, ходил на костылях. С утра забегали кто-то из подруг, иногда мама, чаще она приходила вечером. Дважды приезжал босс, вроде дела его шли неплохо, судя по бодрому виду, но охрану пока оставил. Во второй раз я ему передал, что со мной все в порядке, ожидаю только снятия гипса, и можно продолжить с Сашей. Он сразу переговорил с врачом, тот распорядился взять меня на рентген. Интересно, но на снимке грудной клетки и ноги видно, что кости полностью срослись, хотя я не вмешивался в их восстановление. Получается, мой организм сам активизировал их регенерацию, чуть больше, чем за за неделю устранил повреждения.

Молодой врач только озадаченно покачал головой, тут и опытный подивится, снял в процедурной гипс и корсет. На месте перелома нет обычного отека, только кожа слегка побледнела. Но все же Дмитрий Анатольевич посоветовал в первое ограничить нагрузки на пострадавшую ногу, да и не забыть о восстановительных процедурах. После принялся оформлять выписку, все еще удивляясь моему стремительному излечению. Он знал, что я будущий врач, обсуждал мой случай как с коллегой. Я соглашался с недавним выпускником нашего института, вслух поражался своему «феномену». После выписки Иван Павлович сам доставил меня домой, мы договорились с завтрашнего для продолжить сеансы.

Дома не ожидали столь скорого моего возвращения, но тем больше радости оно вызвало у Тани и Алены, детей. Как только вошел в дом на своих ногах, обступили меня, целуя и обнимая, дети прижались ко мне, а Лена попросилась на руки. И без слов понятно, что все соскучились по мне, переживали и беспокоились. Сам испытывал к самим дорогим мне существам нежность, желание приласкать их. Не стал сдерживать его, обнял и гладил всех любимых. После первых эмоций подруги захлопотали, накрыли стол, за столом отпраздновали мое выздоровление и возвращение в родной дом. Ближе к вечеру после занятий к нам присоединились Наташа с Ксюшей, добавили приятной суety и восторгов. А ночью постарался возблагодарить подруг за их переживания и тревоги. Они сначала опасались за меня, осторожничали, а потом отдались всепоглощающему упоению.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.